

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ IV

В теле текста

Цель: определить новые пути развития литературоведения и междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: литература, критика, междисциплинарные исследования.

Вашему вниманию предлагаются тезисы эссе Джулии Ривкин и Майкла Райана «В теле текста», в котором излагается видение авторами новых путей развития литературоведения и междисциплинарных исследований.

Тело как предмет возвращается, констатируют Д. Ривкин и М. Райан. На протяжении десятилетий гуманитарии игнорировали его, сосредоточив свое внимание на идеологии, культуре, истории, политике, дискурсе и образе. Ситуация изменилась в 1980-х годах, высказала предположение Джудит Батлер, именно в тот период, когда гендер стал значимым показателем самоидентификации человека, его ментальности и, как следствие, его восприятия мира и своего места в нем. В 1980-х годах не хватало критических или теоретических инструментов (понятийного и терминологического аппарата) для тех, кто пытался ответить на вопрос: если всё сконструировано, то что составляют сами конструкции? Смутное представление о «теле» начинало приобретать очертания, но не такие явные, чтобы дать ответ на этот вопрос.

В 1990-х и в начале нынешнего века стало появляться все больше инструментов, от теории влияния до эволюционной психологии и теории воплощенного сознания. Тело постепенно стало предметом критического анализа. Приверженность теоретиков культурному строительству начала ослабевать, когда стало ясно, что структура мышления может быть сформирована телесным опытом, что функционирование нашего разума может быть объяснено только с точки зрения эволюционной адаптации, основанной на биологии, и что в течение дня мы делаем нечто гораздо чаще и больше, чем думаем. Мы чувствуем. И литература во многом именно о таких чувствах.

Познание

Свои размышления Д. Ривкин и М. Райан предлагают начать с познания. Джордж Лакофф и Марк Джонсон утверждали в своей книге 1980 года «Метафоры, которыми мы живем», что большая часть нашего мышления формируется схемами изображений, полученными из нашего телесного опыта. В нашей жизни бывают подъемы и падения, мы продвигаемся вверх по карьерной лестнице, отступаем в сложных ситуациях или упорно идем вперед. Лакофф и Джонсон утверждали, что действия ума определяются расположением и ориентацией тела от положений «вверх/вниз», «вперед/назад» и т. п. Ж. Деррида заметил аналогичную тенденцию в философии – мыслить пространственными категориями, например, «центр/периферия». Но Лакофф и Джонсон утверждали, что эта тенденция присуща всему мышлению, потому что наши умы облечены в материальную форму. Мысль находится в плену ее физического расположения, и мышление по своей сути является пространственным. Наши моральные и эстетические мерки и ценности пространственно обоснованы и графически изображены. Мы думаем о ком-то как о «высоко» стоящем или считаем что-то «низким» занятием.

Когнитивная (познавательная) критика возникла в начале 1990-х годов в работе Марка Тернера «Чтение мыслей» (1991), который настаивал на том, что следует уделять внимание когнитивной семантике и месту познания в эволюционной биологии. Наши умы способны переносить уроки из одной среды в другую с помощью когнитивной схемы, такой как метафора и метонимия. Все наши концепции можно объяснить как вытекающие из основных схем, которые дает нам наш телесный опыт.

Дэвид Герман изучает когнитивные инструменты, которые привносят читатели в повествование в процессе чтения и которые позволяют сформировать смысл из развивающейся во времени истории и воспринимать вымышленное событие. Другие теоретики-когнитивисты, такие как Ф. Элизабет Харт, используют когнитивную науку для восполнения недостатков постструктуралистского анализа литературы, подчеркивая укорененность языка в мозге и мозга в теле, обнаруживая связь между использованием языка в тексте и масштабными проблемами истории и идеологии, которыми занимаются постструктуралистские критики.

Когнитивная литературная критика также может быть сосредоточена на читателях. В исследовании Эллен Спольски говорится о том, как искусство помогает преодолеть присущее знанию «пробеливание». Наш мозг функционирует в модулях, которые являются «специфическими областями», и фокус может быть сделан на персонажах и их отношениях. Когнитивная критика текста часто фокусируется на лингвистике, поскольку правила синтаксиса встроены в мозг.

Мозг участвует в когнитивной обработке информации, но также является локусом эмоций. Историки уже давно знают о силе и значении эмоций в жизни людей. Радикальные правые политические движения, такие как нацизм, черпают силу в концентрации негативных чувств, направленных против противника. И история религии – это история, в большинстве случаев, борьбы за регулирование эмоций, угрожающих идеалам религиозной святости или нормам этического приличия.

Аффект

Теория аффекта начинается с восприятия того, что аффект является первичным в жизни человека. Мы чувствуем прежде, чем думаем. Аффект стал объектом изучения в 1960-х годах, когда Сильван Томкинс впервые предположил, что существуют биологически обусловленные аффекты. В 1990-х и 2000-х годах теория аффекта начала появляться в литературных исследованиях. Литературоведы и культурологи активно изучают новую область взаимосвязи аффекта и эмоций. Возникновение исследований аффекта также является частью более масштабного методологического сдвига, происходящего во всех социальных и гуманитарных науках. Аффект и эмоции являются важными дестабилизирующими факторами, они привлекают внимание к физиологической стороне нашей жизни, к потокам ощущений, посредством которых мы пытаемся стабилизировать позицию субъекта относительно объекта. Постепенно приходит понимание того, что мир больше не является объективированным, а находится в движении внутри нас, через нас и вокруг нас, стирая границу, которая отделяла частную сферу влияния от общественной сферы влияния безличных институтов, условностей и символов.

Эволюционистская критика

Эволюционистская литературная критика исходит из идеи, что все живые существа меняются со временем под воздействием окружающей среды. Все организмы наделены способностью адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам посредством генетических мутаций. В течение долгого времени ученые-эволюционисты полагали, что мутации в генах, которые порождают новые черты, были совершенно случайными, но теперь некоторые генетики считают, что способность мутировать в ответ на обстоятельства среды может быть развита благодаря способности к адаптации. Некоторые человеческие характеристики первоначально были адаптированы для противостояния неблагоприятным условиям. Вывод состоит в том, что люди также могли развить способность к мутации в ответ на стрессовые обстоятельства. Таким образом, возможно, что некоторые мутации могут быть «интерпретирующими» или являться результатом «подсказок» окружающей среды, которые меняют наш генетический состав, что увеличивает вероятность адаптации к новым условиям существования. Возможно, утверждают некоторые генетики, что стресс у людей подобен стрессу вирусов, которые заставляют их мутировать, чтобы выжить, создавая разные копии самих себя. Гены являются строительным материалом, но они частично управляются сигналами из окружающей среды. Поэтому мы можем влиять на то, что заставляет эволюционировать наш генетический состав, изменяя среду. Комфортная среда активирует гены, способствующие более гражданско-правовым формам взаимодействия, в то время как суровая среда выживаемости, скорее всего, активирует гены, более подходящие для конкурентного поведения. Эти различные диспозиции затем будут переданы следующим поколениям.

Эволюционная теория является мощным инструментом интерпретации, поскольку предполагает, что все в нашем организме функционально. Это открывает интересные возможности для интерпретации аспектов нашей жизни, которые могут казаться бессмысленными, аморальными или просто неловкими. Например, нарциссизм, эта универсальная человеческая черта, в свете эволюции является необходимой особенностью нашей природы, которая помогает выживанию, делая заботу о себе основной человеческой мотивацией. Обычный нарциссизм может быть даже необходимым качеством для всех нас. Без этого мы, возможно, не зашли бы так далеко в своем развитии. Точно так же, злорадство или удовольствие от вида чужого несчастья, вероятно, является пережитком чувств наших далеких предков, сформированных в то время, когда первые люди практиковали насилие друг против друга и приучены были думать о беде других (их поражении) как о выгоде для себя (одержанная победа).

Джулия Ривкин и Майкл Райан упоминают еще один аспект, не вызывающий сомнений. Мужской мозг устроен вертикально, проявляя навыки, сформированные в то время, когда мужчины охотились, а мозг женщины устроен горизонтально, что связано с коммуникативными навыками, необходимыми в условиях, когда большое количество времени проводят в обществе, общаясь с другими. Поскольку мужчины доминируют в производстве визуальной культуры, в эволюционном смысле неудивительно, что образы женщин в мужской визуальной культуре проектируют мужские фантазии «других», совершенно непохожих на них самих людей. Наше моральное поведение также можно интерпретировать в свете адаптаций, необходимых для успешной эволюции. Все люди испытывают радость, когда кто-то справедливо наказан за нарушение социальных норм и правил. Эволюционистский критик объясняет, что люди для мирного существования в крупных организованных обществах должны были приобретать черты, порожденные необходимостью подчиняться ограничениям социальных правил и норм. Обладание этими чертами было врожденным чувством того, что нарушение правил заслуживает наказания. Все человеческие черты и характеристики следует понимать так же, как и результаты длительного эволюционного процесса, который позволил человеку выжить на земле в сложных условиях природы. За последние несколько десятилетий эволюционистская литературная теория внесла значительный вклад в критические дискуссии.

При некритическом использовании таких противоречивых идей социобиологии, как «репродуктивный успех» и «инклюзивная пригодность», эволюционистская литературная теория рискует совершить несколько ошибок. Она не видит исторического и даже политического характера природы; она ошибочно полагает, что существует единая универсальная «человеческая природа». Чтобы понять исторический и политический характер того, что социобиологи называют «естественной природой», следует рассматривать только гендерные тела. Для аргументации этого вывода Ривкин и Райан используют следующий пример: если, как мы наблюдаем, у женщин развиваются более мелкие тела, а у мужчин – более крупные, то этот процесс происходит не просто «естественным образом». Вероятно, крупные женщины в противостоянии с доминирующими в ранних человеческих сообществах мужчинами уничтожались, а женщины с малым телом, как можно предполагать, имели больше шансов на выживание. Евгеника, вероятно, всегда была особенностью человеческой эволюции. Социобиологические критики избегают такого исторического понимания и вместо этого воспринимают нынешнее состояние природы как универсальное, которое не изменилось и не может измениться.

Социобиологическая литературная критика также предполагает, что *homo sapiens* не дифференцирован. Существует единая универсальная «человеческая природа». Вид перестает развиваться путем мутации и размножения. Однако недавние научные данные свидетельствуют о том, что между людьми существуют примечательные физические различия. Будучи изученным с научной, а не с онто-теологической точки зрения, *homo sapiens*, как и следовало ожидать от любого вида, будет развиваться путем генерации альтернативных версий самого себя. Единой «человеческой природы», которая является универсальной для всех нас, не существует. Если использовать терминологию эволюционной теории, наши различия не просто фенотипичны, они также генотипичны.

В отличие от социобиологической литературной критики современная наука дает совершенно другую картину эволюционной природы. Она больше согласуется с концепциями и теориями

постструктурализма и постмодернизма, теориями, которые подчеркивают стохастический (случайный) характер изменения во времени и неопределенный, трансформационный, неожиданно возникающий и сложный характер любого существующего положения вещей. Из-за того, что социобиологические критики настолько преданы идеалу и силе некоего прообраза, сетуют Д. Ривкин и М. Райан, они не понимают неопределенности и непредсказуемости самой эволюции.

Эволюционистская литературная теория имеет под собой гораздо более надежную основу, когда исследует функцию литературы и искусства. Искусство служит социальной функции; считается, что чтение художественной литературы увеличивает эмпатию. По мере того, как люди эволюционировали, им необходимо было жить вместе в больших группах, и искусство помогало этому процессу, прививая человеческим умам умение представлять чужие жизни похожими на свои собственные. Таким образом, уменьшилось чувство собственной инаковости, которое вызывало неуверенность и страх. Искусство также предоставляло игровую модель для умственных действий, которые были полезны для выживания, таких, например, как представление возможных сценариев событий или жизненных ситуаций и планирование будущего.

Когнитивно-эволюционно-эмоциональный поворот в литературоведении, считают Ривкин и Райан, обещает новые виды исследований, которые связывают гуманитарные и естественные науки. Связь между поведением человека и участками мозга очевидна, также становится понятным, что взаимодействие между нашим биологическим «я» и нашей естественной и сконструированной средой имеет решающее значение как для человеческой культуры, так и для нашего биологического развития в культуре. Поэтому обращение гуманитариев к исследованиям естественных наук не означает отказа от понимания важности культуры или общества, истории или политики. Это также не должно делаться для того, чтобы найти в науке авторитетный лексикон для культуры. Изменения и трансформации более распространены, чем застой и предсказуемость.

Историческая графика биологических изменений в человечестве с течением времени, вероятно, станет новой интересной областью научных изысканий. Оцифровка текстов гуманитарных наук, утверждают Д. Ривкин и М. Райан, поможет этой работе.

Ученые изучают физические события, но эти физические события могут интерпретироваться по-разному. Поэтому в науке нет простой истины. Скорее существует непрерывный процесс, когда ученые-естественники или гуманитарии пытаются связать наблюдаемые события или эмпирические данные с идеями и повествованиями о них. Подобные исследования станут в предстоящие годы все более важными для нашего понимания литературы и культуры.

То, что нас ждет, считают Д. Ривкин и М. Райан, можно назвать «научным поворотом» в литературоведении и культурологии. Он будет состоять из широкого круга научных исследований в таких областях, как познание, эмоции и неврология эволюционирующих черт, которые играют столь важную роль в литературе и культуре человека. Литературоведам не удастся полностью овладеть биохимией эмоций в функции мозга, но можно будет связать выводы из таких исследований с продуктами человеческой культуры, т. е. с продуктами человеческого мозга. Предположение и необходимый вывод таких исследований будут заключаться в том, что наши культурные фантазии возникают непосредственно из нашей биологии. Они не являются произвольными, условными, случайными или определенными по своей сути внешними, небиологическими, культурными, социальными или риторическими формами или конвенциями. Они не столько идеология, сколько био-идеология.

Нам необходимо, призывают Д. Ривкин и М. Райан, выйти за рамки идеи о том, что связь культуры с материей означает, что культура «определяется» материей. Сам мозг – область культуры и он действует с точки зрения как семиотики, так и культуры. Важнейшей особенностью нашей эволюционирующей нейробиологии является способность создавать ментальные представления. Поместив образ вместо автоматической негативной эмоциональной реакции, наши предки научились осуществлять эмоциональный контроль над собой, и такой контроль позволил им в конечном итоге жить вместе в больших сообществах, состоящих как из представителей рода, так и из пришлых людей.

В некотором смысле, способность обозначать, закреплять автоматический эмоциональный отклик его образом, сформировала новую модель человека, наделенного абстрактными миметическими способностями, большей силой контроля над отрицательными эмоциями и более высоким шансом развивать цивилизацию. Это означает, что наши культурные истории напрямую связаны с дифференцированными нейробиологическими способностями, которые индексируются в разных эволюционных точках. Мы, каждый из нас, – записи и архивы эволюционной биологической истории. Таким образом, одним из источников значений литературы является нейробиология, и это происходит потому, что нейробиология сама по себе литературна; она работает наиболее успешно, когда может создавать сложные внутренние символы или ментальные представления, которые повествуют о чем-то и подавляют негативные автоматические эмоциональные реакции.

Наши интерпретационные способы будут меняться в результате обращения к науке, как и наше понимание того, что означают определенные виды культурного представления.

Эта новая научная критика также должна быть способна объяснить эстетические различия, например, почему существуют различные виды литературных и культурных представлений. Более сложные формы мысленного изображения свидетельствуют о большей степени контроля над негативными эмоциями, а психологи связывают его с более успешно достигнутым чувством отдельного «я». Сложность, дифференциация и отражение характеризуют репрезентативную форму литературных и кинематографических работ, наполненных психическими состояниями. Менее сложные формы согласуются с меньшей степенью самоконтроля и с личностью, более склонной проецировать противников, против которых может быть направлена агрессия. Эта новая био-эстетическая ось позволит расширить наши нынешние методы для более тонкого деления литературных форм на жанры и виды и дать новое понимание того, каким образом ментальные представления выражаются в формах публичной культуры.

Вопросы для закрепления темы:

1. Каковы, на взгляд Джулии Ривкин и Майкла Райана, актуальные направления современных литературоведческих исследований?

Литература:

1. Julie Rivkin, Michael Ryan. *Literary Theory: An Anthology*. Third Edition. – John Wiley & Sons, 2017. – 1640 p.